

Е.А. Резван

Efim Rezvan

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА

THE LAST BOOK

Двадцать девятого мая 2009 г. я опаздывал в музей, ругаясь на утренние пробки на Васильевском острове. Я пытался выбраться из столпотворения на перекрестке, когда раздался телефонный звонок. Звонила Елена Александровна Тенишева, вдова выдающегося российского тюрколога чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишева.

— Ефим Анатольевич, не отвечает номер Александра Михайловича, волнуюсь я почему-то, — сказала она. Я попытался набрать номер сам — длинные гудки... На подъезде к музею мне уже позвонили и сказали, что Александра Михайловича Решетова не стало.

Я зашел в кабинет. На рабочем столе — материалы, связанные с на-

On May 29th of 2009 I was running late to the museum, cursing the morning traffic jams at Vasilyevsky Island. I was trying hard to get out of the rush at the crossroad, when I heard a phone ring. It was Elena Alexandrovna Tenisheva, the widow of Edhyam R. Tenishev, the prominent Russian Turkologist, correspondent member of the Russian Academy of Sciences.

“Efim Anatolievich, the phone number of Alexander Mikhailovich does not respond. I am worried for some reason”, said she. I tried to dial his number myself — and in response I heard long dial tones.... As I was approaching the museum I was told that Alexander Mikhailovich Reshetov was no more.

шей экспедицией в Китайский Туркестан. За несколько месяцев до того накануне отъезда я позвонил Александру Михайловичу и подробно рассказал ему о планах работы историко-этнографической экспедиции «Мусульмане Китайского Туркестана (уйгуры Синьцзяна, салары Цинхая)».

— Ну что ж, Вы едете прямо по маршруту Эдхяма Рахимовича Тенишева, — услышал я в телефонной трубке.

— Похоже, что так, — ответил я. — Как вернусь, отправлюсь в архив читать его научный отчет.

— Так он же издан, и дневник его издан! Боюсь, правда, что в нашей библиотеке книги еще нет. Если так, приезжайте ко мне.

Я бросился в музейную библиотеку. Книга¹ оказалась на месте, и дальше начались удивительные совпадения. Совпадал по большей части не только маршрут, но и серия сентябрьских дат, когда мы и Тенишев проезжали то или иное место. Томик с воспоминаниями Тенишева сопровождал нас в поездке: накануне прибытия в тот или иной пункт мы обычно перечитывали соответствующие фрагменты текста.

Информация Александра Михайловича оказалась удивительно важной и для организации выставки «Между Туркестаном и Тибетом: салары», которая открылась в МАЭ РАН в 2010 г. как один из результатов работы нашей экспедиции.

I entered my office. The materials related to our expedition to Chinese Turkestan were on the work desk. I had called Alexander Mikhailovich several months prior, on the eve of our departure, and told him in great detail about the plans of the historical and ethnographic expedition entitled “The Muslims of Chinese Turkestan (the Uyghur of Xinjiang, the Salar of Qinghai)”.

“Well, you are following the route of Edhyam Rahimovich Tenishev”, I heard on the other end of the line.

“It sure looks like it,” said I. “As soon as I return I will go to the archives to read his scientific report.”

“It has been published along with his journal! I’m afraid, though, that you won’t be able to find it in our library yet. If that is the case, come by my place.”

I rushed to the museum library. Luckily the book¹ was on the shelf, and from then on fascinating coincidences began taking place. It was not just the route that matched, but so did a number of September dates, when Tenishev and then we passed through this or that particular location. The volume of Tenishev’s recollections accompanied us in our journey: on the eve of the arrival to one location or another we would usually read and reread the corresponding portions of the text.

The information given by Alexander Mikhailovich turned out to be extremely important for the organization of the exhibition entitled “Between

¹ Тенишев Э.П. У тюркских народов Китая. М., 1995.

¹ Tenishev E. R. Visiting Turkic Peoples of China. Moscow, 1995.

Будучи ведущим российским этнографом-китаеведом, А.М. Решетов сделал в области изучения малых народов Китая невероятно много². Хорошо помню, как совсем недавно, обращаясь за грантом на экспедицию, я заполнил традиционную графу «Научный задел в исследуемой области» громадным списком его научных работ. Музей по праву гордится вещевыми и фотоколлекциями, привезенными Решетовым из Китая и Центральной Азии, где его в первую очередь интересовала культура народностей, оказавшихся в пределах СССР в результате трансграничных перемещений первой половины XX в. Сегодня становится особенно понятно, что избранному Решетовым научному направлению предстоит вскоре стать одним из наиболее приоритетных в китаеведении.

Однако, по-видимому, свою главную роль в науке Решетов увидел и исполнил в другом. События последних десятилетий привели к существенному сужению общественной роли отечественной науки, возникла серьезная опасность потери научной преемственности в целом ряде ключевых исследовательских направлений, в ряде случаев такая преемственность была, к сожалению, утеряна. Задача сохранения и передачи информации о научных традициях и школах

Turkestan and Tibet: the Salars”, which was launched in the MAE RAS in 2010, as one of the outcomes of the work done in the course of the expedition.

Being among the leading Russian Sinologue ethnographers, Alexander M. Reshetov accomplished incredibly much in the field of the study of small ethnic groups of China². I remember well that not so long ago, when I had requested a grant for the expedition, I had filled in the traditional column of “Scientific Groundwork in Researched Field” with an immense list of his scientific works. The Museum is rightfully proud of the ethnographic objects and photographic collections, brought by Reshetov from China and Central Asia, where he was first and foremost interested in the culture of the peoples that had come to the USSR territories as a result of the transfrontier shifts of the first half of the 20th century. It becomes particularly understandable today that the scientific direction chosen by Reshetov will soon become one of the priorities in Sinology.

However, Reshetov evidently had seen his main role as something else and he had fulfilled that role of his. The events of the last decades had led to the significant narrowing of the role of Russian science; there was an impending threat of losing scientific schools in a number of key research directions, and in some cases such schools was actually lost, which is sad

² Полная библиография работ А.М. Решетова опубликована в книге: Восточная Азия: Вещи, история коллекций, тексты. СПб.: Наука, 2009. С. 16–54. (Сборник МАЭ. Т. 55).

² The full A.M. Reshetov bibliography is published in the book titled “Eastern Asia: Objects, the History of Collections, Texts”. SPb: “Nauka”, 2009. P. 16–54. (The MAE Collection, Vol. 55).

стала одной из наиважнейших: мы не потеряем свою науку только в том случае, если сможем правильно оценить, инвентаризировать и использовать гигантский объем научной информации, созданный в рамках отечественной науки советского периода. Для привлечения в науку молодежи чрезвычайно важно рассказывать правду о том, как, в каких условиях, кем делалась *великая наука*. И здесь роль последних работ Александра Михайловича трудно переоценить. Тот, кто бывал у него дома в последние годы жизни, кто видел объемы его научной переписки, знает, что этот необычайно мужественный человек, будучи неизлечимо больным, фактически обездвиженным, работал один как целый научный коллектив.

До последних дней своей жизни, уже не поднимаясь с постели, Александр Михайлович трудился над «Материалами к биобиблиографическому словарю отечественных этнографов». Работа предполагала не только активнейшую переписку, но и обработку литературы, архивных материалов, работу с анкетами, присланными коллегами. Затем следовало собственно написание статьи и ее последующее редактирование. В рамках проекта А.М. Решетов не только опубликовал большую серию работ, посвященную отдельным ученым (статьи к памятным датам, вводные статьи к различным изданиям, некрологи и т.п.), но и выпустил две знаковых для отечественной этнографии серии: «Репресси-

but true. The task of preserving and transmitting information about scientific traditions and schools became the task of supreme importance: we will not lose our science only if we can rightfully assess, inventory and utilize the enormous amount of scientific information, gathered in the context of the Russian science of the Soviet timeframe. In order to attract young generation into science it is extremely important to speak honestly of how, by whom and in which conditions the *great science* was being created. This is where the role of the latest works of Alexander Mikhailovich is hardly possible to overestimate. Whoever visited his home in the course of the last years of his life and saw the amount of the scientific correspondence he maintained, knows that this incredibly courageous man did the work that would usually be undertaken by a team of researchers. He was doing that while incurably ill and practically immobilized.

Until the very last days of his life, when he was already unable to get up from his bed, Alexander Mikhailovich worked on “The Bio-Bibliographic Sourcebook of Russian Ethnographers”. This labor assumed not just active correspondence, but also processing of literature and archive materials, working with the surveys, sent by the colleagues. It was then followed by the actual writing of the article and its subsequent editing. Alexander Reshetov published more than just a large series of works dedicated to individual scholars/scientists (articles for commemorative days, introductory articles to various publications, obituaries, etc.) in the context of

рованная этнография»³ и «Отдание долга»⁴.

Некоторое время в работе по обработке и перепечатке материалов

the project, but he also released two series emblematic for Russian ethnography: “Repressed Ethnography”³ and “Repaying the Debt”⁴.

³ *Решетов А.М.* Репрессированная ленинградская антропология (к постановке вопроса) [Баронов С.Ф., Бонч-Осмоловский Г.А., Вишневецкий Б.Н., Волков Ф.К., Вяткина К.В., Грязнов М.П., Жиров Е.В., Золотарев Д.А., Иохельсон-Бродская Д.Л., Комарова М.Н., Либман Е.Г., Митусова Р.П., Никишин П.Е., Петри Э.Ю., Петров Г.И., Розов Н.С., Руденко С.И., Седых С.Н., Теплоухов С.А., Широкогоров С.М., Юзефович А.Н., Яцута К.З.] // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез: К 75-летию Ильи Иосифовича Гохмана. СПб., 2004. С. 201–219; *он же.* Репрессированная этнография: люди и судьбы (часть 1) [Адлер Б.Ф., Адрианов А.В., Брюллова-Шаскольская Н.В., Вагнер Г.К., Васильев Б.А., Золотарев А.А., Квитка К.В., Ластовский В.Ю., Маторин Н.М., Преображенский П.Ф., Руденко С.И., Шпет Г.Г., Янович-Радван Д.Т.] // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1994. Вып. 4. С. 185–221; *он же.* Репрессированная этнография: люди и судьбы (часть 2) [Бекмаханов Е.Б., Василевич Г.М., Вишневецкий Б.Н., Волков Н.Н., Воробьев П.И., Гаген-Торн Н.И., Жаков К.Ф., Золотарев А.М., Ксенофонов Г.В., Тахо-Годи А.А., Цинциус В.И., Чарнолуцкий В.В.] // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1994. Вып. 5–6. С. 342–368.

⁴ *Решетов А.М.* Отдание долга. Памяти сотрудников Института этнографии, погибших в блокадном Ленинграде (часть 1) // ЭО. 1995. № 2. С. 40–62; *он же.* Отдание долга. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР — воинов Великой отечественной войны (часть 2) // ЭО. 1995. № 3. С. 3–20; № 4. С. 3–24; *он же.* Отдание долга. Институт этнографии АН СССР во время Великой Отечественной войны (некоторые вопросы истории) (часть 3) // ЭО. 1995. № 6. С. 3–17; 1996. № 1. С. 3–14. См. также: <http://www.kunstkamera.ru/history/victory65/05/>

³ *Reshetov A.M.* Repressed Leningrad Anthropology (for the statement of the question) [Baronov S.F., Bonch-Osmolovskii G.A., Vishevskii B.N., Volkov F.K., Viatkina K.V., Greaznov M.P., Zhiron E.V., Zolotarev D.A., Jochelson-Brodskaya D.L., Komarova M.N., Libman E.G., Mitusova R.P., Nikishin P.E., Petri E.Yu., Petrov G.I., Rozov N.S., Rudenko S.I., Sedyh S.N., Teplouhov S.A., Shirokogorov S.M., Yuzefovich A.N., Yatsuta K.Z.] // Paleanthropology, Ethnic Anthropology, Ethnogenesis: For the 75th Anniversary of Ilya Iosifovich Gokhman. Spb., 2004. P. 201–219; *ibid.* Repressed Ethnography: People and Destinies (Part 1) [Adler B.F., Adrianov A.V., Bryullova-Shaskolskaya N.V., Wagner G.K., Vasiliev B.A., Zolotarev A.A., Kvitka K.V., Lastovskii V.Yu., Matorin N.M., Preobrazhenskii P.F., Rudenko S.I., Shpet G.G., Yanovich-Radvan D.T.] // Kunstkamera: Ethnographic Notebooks. 1994. No 4. P. 185–221; *ibid.* Repressed Ethnography: People and Destinies (Part 2) [Bekmahanov E.B., Vasilevich G.M., Vishnevskii B.N., Volkov N.N., Vorobiev P.I., Gagen-Torn N.I., Zhakov K.F., Zolotarev A.M., Ksenofantov G.V., Taho-Godi A.A., Tsintsius V.I., Charnoluskii V.V.] // Kunstkamera: Ethnographic Notebooks. 1994. No 5–6. P. 342–368.

⁴ *Reshetov A.M.* Repaying the Debt. In Memory of the Employees of the Institute of Ethnography, Perished in the Besieged Leningrad (Part I) // ER (Ethnographic Review). 1995. No 2. P. 40–62; *ibid.* Repaying the Debt. In Memory of the Employees of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR — Warriors in the Great Patriotic War (Part II) // ER. 1995. No 3. P. 3–20; No 4. P. 3–24; *ibid.* Repaying the Debt. The Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR during the Great Patriotic War (Some History Matters) (Part III) // ER. 1995. No 6. P. 3–17; 1996. No 1. P. 3–14. See also <http://www.kunstkamera.ru/history/victory65/05/>

Александр Михайловичу помогал В.Н. Кисляков, в дальнейшем подключились его младшие коллеги и ученики Д.А. Самсонов и Е.Д. Петрова. Основной массив материалов по теме хранился у Александра Михайловича дома в больших картонных коробках, в которых мог ориентироваться только он сам. Сразу же после известия о смерти его коллеги предприняли все возможные усилия для организации перевозки рабочего архива в МАЭ. Уже 30 мая Д.А. Самсонов по договоренности с родственниками Александра Михайловича смог посетить квартиру и начать работу по сортировке и систематизации архивных материалов. Через два дня к нему присоединились еще два ученика Решетова — Елена Петрова и Дмитрий Иванов.

В своем отчете о работе тех дней Денис Самсонов пишет: «В первую очередь мы начали собирать материалы по биобиблиографическому справочнику. На протяжении последних лет А.М. Решетов принимал гостей и работал, как правило, на кухне. Именно там под кухонным столом в нескольких картонных коробках и хранилось большое количество словарных статей, как набранных на компьютере, так и рукописных. Весь первый день работы ушел у нас исключительно на поиск и первоначальную сортировку материалов по биобиблиографическому справочнику. Мы внимательно просматривали все папки, которые лежали на столе, чтобы выбрать из них все то, что могло от-

For quite some time Alexander Mikhailovich was helped by Vladimir Kislyakov in processing and retyping the materials; later on his associate colleagues and disciples Denis Samsonov and Elena Petrova joined in on the work as well. The main array of materials on the subject was kept at Alexander Mikhailovich's home in the large cardboard boxes, which only he could find his way around in. As soon as his colleagues learned of his death, they made every effort to organize the transportation of the working archive to the Museum. On May 30th Denis Samsonov managed to visit the apartment by an agreement with Alexander Mikhailovich's relatives and begin working on sorting and systematizing the archived materials. Two days later he was joined by two more Reshetov's disciples – Elena Petrova and Dmitrii Ivanov.

Denis Samsonov writes about the work of those days in his report: “First of all, we began collecting materials for the bio-bibliographic sourcebook. Over the course of the last several years Alexander Mikhailovich hosted his guests in the kitchen as a rule. It was there, under his kitchen table, that a large number of dictionary entries, typed on the computer and written by hand, were stored in several cardboard boxes. The first day in its entirety was given exclusively to the search for and original sorting of the materials for the bio-bibliographic sourcebook. We attentively browsed through all folders that were on the table in order to select anything and everything that was related to the subject of the sourcebook.

носиться к тематике справочника. В результате нескольких дней работы сформировалась первая коробка, куда вошли материалы, связанные исключительно с созданием библиографического справочника. Она была переправлена в музей.

Затем, уже после похорон, поездки в квартиру Александра Михайловича приняли у нас систематический характер. После завершения работы с материалами, хранившимися на кухне, мы стали разбирать папки и книги, которые лежали в комнате. Кроме меня в этой работе, как правило, принимали участие Елена Петрова, Дмитрий Иванов и заведующая библиотекой МАЭ РАН Татьяна Шаскольская. Мы приезжали днем и работали около трех-четырёх часов, формируя коробки с книгами и материалами из папок. Эта работа продолжалась около двух месяцев».

По информации Елены Петровой, которой была поручена обработка, систематизация и перепечатка материалов А.М. Решетова к библиографическому словарю, архив, перевезенный в МАЭ, составляют:

«1. Картотека: 4462 карточки с биографическими данными этнографов и антропологов. При работе по систематизации материалов А.М. Решетова карточки использовались для перепроверки данных.

2. 229 (условно) готовых словарных статей, подготовленных А.М. Решетовым. Часть из них еще при жизни автора была набрана В.Н. Кисляковым, Д.А. Самсоно-

As a result of a few days' labor the first box was collected, which now contained the materials exclusively related to the formation of the bio-bibliographic sourcebook. It was then sent to the Museum.

Then, after the funeral, our visits to the apartment of Alexander Mikhailovich were more systematic in nature. After completing work with the materials kept in the kitchen, we began sorting out folders and books that were stacked in the room. As a rule Elena Petrova, Dmitrii Ivanov and the head of the MAE RAS library Tatiana Shaskolskaya participated in this labor besides me. We would come in the afternoon and worked for three or four hours, putting together boxes of books and folder material. We labored thus for about two months”.

In accordance with the information shared by Elena Petrova, who was commissioned to processing, systematization and retyping of the materials of Alexander M. Reshetov for the bio-bibliographic sourcebook, the archive, transported to the Museum, is made up of:

“1. Card index: 4462 cards with biographical data of ethnographers and anthropologists. In the work of systematization of A.M. Reshetov's material the cards were used to recheck data.

2. 229 (relatively) finished dictionary entries, which were done by A.M. Reshetov – some of them were typed by V.N. Kislyakov, D.A. Samsonov and myself, while the author was still alive. All texts were verified against the rough handwritten drafts of A.M. Reshetov.

вым и мною. Все тексты были сверены с рукописными черновиками А.М. Решетова.

3. 167 словарных статей (или анкет), которые требовали доработки, редактирования. Они были перепроверены, отредактированы и набраны в соответствии с принятой А.М. Решетовым формой и его исправлениями.

4. 246 рукописных словарных статей, написанных рукой А.М. Решетова. Они были перепроверены, отредактированы и набраны, где возможно были восполнены отдельные пропуски (страницы, года изданий).

5. Три анкеты этнографов без правки А.М. Решетова были оформлены в соответствии с принятой А.М. Решетовым системой.

Всего около 650 словарных статей. В архиве имеется достаточно большое количество разрозненного материала: выписки, ксерокопии из энциклопедий и справочников и т.д.».

Анализ полученных материалов показал, что они содержат приблизительно четыре пятых текста книги, задуманной автором. Было, в частности, отмечено отсутствие среди подготовленных статей имен ряда выдающихся ученых. Последнее обстоятельство, возможно, объяснялось тем, что автор оставил напоследок наименее сложную для себя часть работы. На совещании, организованном после перевозки архива А.М. Решетова в музей, а затем и на заседании Ученого совета МАЭ обсуждались два альтернатив-

3. 167 dictionary entries (or surveys), which required modification and editing. They were rechecked, edited and typed in accordance with the form adopted by A.M. Reshetov and his corrections.

4. 246 handwritten dictionary entries, written by A.M. Reshetov. They were rechecked, edited and typed, where possibly individual gaps were supplied (pages of works, publication years).

5. Three surveys of the ethnographers without A.M. Reshetov's corrections were formatted in accordance with the system adopted by A.M. Reshetov.

Altogether there are about 650 dictionary entries. There are a rather great number of detached materials in the archive: excerpts, photocopies of encyclopedias and reference books, etc.”

The analysis of the acquired material showed that they contained about four fifths of the text of the book, conceived by the author. It was particularly noted that a number of prominent scholars' names were lacking among the prepared articles. This absence could perhaps be explained by the fact that the author saved the least complicated part of the labor for last.

Two alternative approaches to the publication of his work were discussed at the meeting, organized after Reshetov's archive was transported to the Museum, and then later at the meeting of the Academic Council of the MAE. The first approach had to do with taking the work done by the author for the basis and then finishing the writing

ных подхода к публикации его труда. Первый состоял в том, чтобы, взяв проделанную автором работу за основу, коллективно дополнить, дописать ее силами сотрудников МАЭ. Второй подход предполагал издание архивных материалов в полученном объеме. Это позволяло, во-первых, сохранить мемориальный характер издания, подчеркнув при этом роль автора в столь важном для отечественной этнографии проекте. Во-вторых, это обеспечивало скорейший выход книги в свет. Ученый совет МАЭ, в заседании которого приняли участие коллеги из других этнографических учреждений Санкт-Петербурга, поддержал именно второй подход. При этом было подчеркнуто, что после выхода книги в свет начнется работа по ее дополнению и расширению. Труд по завершению редактирования рукописи и подготовке ее к печати взял на себя В.Н. Кисляков.

* * *

Для ученого очень важно, какой будет его последняя книга. Александру Михайловичу Решетову выпало судьбой *связывать* разорванные ниточки истории нашей науки. Он с честью справился с этой сложнейшей задачей. В этом отношении более чем знаменательно то, что его книга будет опубликована в серии, задачи которой полностью совпадают с целью последних десяти лет его жизни.

Несколько лет назад в разговоре о необычных судьбах востоковедов и этнографов он как-то сказал мне:

by MAE employees building upon it collectively. The second approach intended the publication of the archival materials in the obtained volume. This approach, first of all, made it possible to preserve the memorial nature, emphasizing at that the role of the author in this project, so monumental for our ethnography. Second of all, it provided a sooner publication of the book. The Academic Council of the MAE, which meeting was attended by colleagues from other St. Petersburg ethnographic centers, supported the second approach. Herewith, it was highlighted that after the book is published, the work of addition and expansion of his work is going to be commenced.

Vladimir Kislyakov was the one, who has taken the labor of the completion of manuscript editing and preparation of it for publication upon himself.

* * *

It is very important for a scholar to know what his last book is going to be like. The fate foreordained for Alexander Mikhailovich Reshetov to tie together the torn threads of the history of our science, to be the *courier* in between of its past and future. He could honorably handle this complicated task. It is thus overly symbolic that his book will be published as a part of the series, which goals match precisely the purpose of the last ten years of his life.

Several years ago there was one conversation, where we talked about unusual destinies of orientalists and ethnographers, and this is what he told me:

«А Вы знаете, что NN всю войну и несколько лет после нее был *связным*, на самом деле главным человеком, без которого все усилия разведчика абсолютно бессмысленны. Есть мозг, есть сердце, но есть и кровь, которая несет кислород одному и другому».

“Do you know that NN was an intelligence *courier* over the course of the war and several years after it, which is to say he was the most important man on the job, without whom all efforts of the scout were absolutely meaningless. There is the brain, there is the heart, but then there is also blood, which takes oxygen to one and to the other”.